

10. Толстой Л. Н. Моя жизнь. Собрание сочинений: в 22 т. М.: Художественная литература, 1978–1985. Т. 10: сайт. URL: http://www.rvb.ru/tolstoy/01text/vol_10/02edit/0267.htm

11. Фадеева И. Е., Сулимов В. А. Культурология как аналитика сознания: семиотика интеллекта // Семиозис и культура: интеллектуальные практики: монография. Сыктывкар: Коми пединститут, 2013. С. 3–6.

12. Хёзинга Й. Homo ludens. М.: Прогресс-Традиция, 1997.

13. Шиллер Ф. Письма об эстетическом воспитании человека. Статьи об эстетике. М.; Л., 1935: сайт. URL: http://www.bim-bad.ru/docs/schiller_aesthetic_education.pdf

14. Эльконин Д. Б. Психология игры. 2 изд. М.: ВЛАДОС, 1999.

И. Е. Фадеева

Культура и культурология в системе высшего образования

УДК 372.800.8+008

Автор статьи рассматривает место культурологии в системе современного образования. Автор полагает, что, применительно к проблемам преподавания дисциплин культурологического цикла, следует признать значимость принципа историчности, не совпадающего с догматически понятым историзмом. Если практика преподавания истории и теории культуры традиционно предполагает хронологическую последовательность событий и фактов, то историчность должна быть основана на изучении актуальных сегодня текстов культуры с точки зрения исторического движения их смысла.

Ключевые слова: историзм, историчность, смысл, культурология, культура.

I. E. Fadeeva. Culture and culturology in higher education

The article considers the place of cultural in the system of modern education. The author believes that, with respect to the problems of teaching of disciplines of cultural cycle, we must recognize the importance of the principle of historicity does not coincide with dogmatically understood historicism. If the prac-

tice of the teaching of history and theory of culture traditionally involves the chronological sequence of events and the facts, the historicity must be based on the study of cultural texts relevant today in terms of the historical movement of their meaning.

Key words: Historicism, historicity, meaning, culture, culturology.

Государственные образовательные стандарты «третьего поколения» – независимо от направления, профиля и уровня подготовки, включают в себя ряд общекультурных компетенций. Такое признание роли культуры в процессе подготовки будущего бакалавра или магистра нельзя не приветствовать. Непонятным остается собственно образовательный механизм встраивания индивида в социокультурное пространство, поскольку предметно-дисциплинарный подход, предполагающий закрепление той или иной компетенции за тем или иным предметом, делает культуру неким побочным эффектом при преподавании самых разных дисциплин, а собственно культурологии в лучшем случае отводится место дисциплины по выбору. При этом, казалось бы, сама культура – как всеобъемлющая система ценностей (П. Сорокин), как универсальное хранилище информации (А. С. Кармин), как семиосфера и как система норм (Ю. М. Лотман), как способ и опредмеченный результат человеческой деятельности (Э. С. Маркарян, М. С. Каган) дает основания для растворения ее предмета в общем универсуме «знаний, умений и навыков». Но не теряется ли при этом специфика культуры? При всей привлекательности философских подходов, не остается ли за скобками сама культура в ее связях с отдельной человеческой жизнью с ее смыслами и ценностями, с ее экзистенциальным опытом и повседневными делами? И что такое «культурные компетенции», если неопределенным остается само понятие культуры? Балансируя между артефактичностью историко-культурного процесса и абстрактностью философских дефиниций, культура как бы проваливается в дурно понятую междисциплинарность – не предполагая ни интеграции результатов, ни обращения к реальному существованию реального человека.

Формирование и операционализация культурологии приходится на вторую половину XX столетия, однако предпосылки ее можно обнаружить в истории гуманитарной мысли на протяжении, по крайней мере, последних пяти столетий. Являясь детищем антропоцентризма

как парадигмы научного знания эпохи модернити, культурология стала вехой на пути завершения ее незавершенного проекта, наглядно демонстрируя становление неклассической и постнеклассической рациональности. Главный тезис этого выступления состоит в определении предметной области культурологии как науки, направленной на семиотико-антропологические процессы, понимание которых становится обязательным в контексте формирования индивидуальной и культурно-национальной идентичности. Современная культура обрушивает на индивида поток неуправляемой и неструктурируемой информации, включающий в себя лавинную долю информационного шума, но в то же время насыщенный интеллектуальными прорывами и инновациями. Семиотико-антропологические подходы к культуре, суть которых в самом общем виде может быть определена как нацеленность на изучение связи текстов культуры и сознания человека в его культурно-исторической данности, позволяют выявить реперные точки, актуализирующие преподавание культурологии в высшей школе. С одной стороны, это самообоснование и самопознание, осуществляемое индивидом посредством текстов культуры, понимание/интерпретация текстов культуры как проекции современного интеллектуального пространства, интеллектуальных практик и ценностей. С другой – самопознание как формирование собственной индивидуальной и коллективной (национальной, культурной, цивилизационной) идентичности. Иными словами, изучение культурологии должно быть ориентировано на осмысление и понимание процессов *семиозиса* как антропологически и культурно-исторически определяемых практик порождения и означивания смыслов.

Понятие семиозиса отнюдь не является новым в современной науке: начиная от классической семиотики Ч. С. Пирса и У. Морриса и завершая семиотикой культуры М. Ю. Лотмана, оно активно используется при теоретическом описании процессов индивидуального сознания. Предлагаемые нами инновации заключаются в признании социокультурного семиозиса в качестве основания для изучения культуры как объекта и предмета научного исследования: именно семиозис позволяет рассматривать связь сознания человека и тексты культуры как основу ее информационного и интеллектуального пространства. Причем, в отличие от собственно философских подходов,

рассматривающих сознание в его предельных основаниях, как сознание человека «вообще», человека в его сущности, культурология обращена к опыту историчности – опыту существования, которое, по Ж.-П. Сартру, «предшествует сущности». Говоря о современной эпистемологии, Л. А. Микешина справедливо указывает на ограниченность ее рамками естественно-научного знания, не позволяющего «учесть реального эмпирического субъекта» [4:205]. На этом фоне понятно обращение философской эпистемологии к идеям М. М. Бахтина, к которым, между тем, в отличие от философии, культурология не только обратилась существенно раньше, но и вообще-то говоря, на них и выросла – в отечественном, во всяком случае, варианте.

Центральным понятием бахтинской эпистемологии является понятие смысла. Рассматривая смысл с позиций экзистенциальной персонологии – как событие текста [1], Бахтин фактически создал модель культурологического знания, не просто включив в процесс научного изучения текста/произведения его рецепцию, но и перенеся центр тяжести с текста и результата его интерпретации – на *процесс* взаимодействия сознаний. Смысл, отмечает Бахтин, «всегда отвечает на какие-то вопросы» [1:350]. Текст при этом рассматривается как «граница сознаний», что очевидно не совпадает с предложенной на основании анализа идей Бахтина концепцией интертекстуальности и «смерти автора» Р. Барта и Ю. Кристевой. Придавая языку статус самостоятельного смыслопорождающего «поля», используя выражение П. Бурдьё, и тем самым отказываясь от бахтинской идея «завершающего» сознания автора, концепция Р. Барта на самом деле становится возвращением к а-персонологичности картезианской эпистемологии. Между тем бахтинская концептуализация смысла представляет собой основанное на парадоксе *безличности* языка и *личности* автора единство – «тетиву», «сходство несходного». Смысл как таковой представляет собой акт экзистенциального продуцирования и выбора, и персонологический характер создания текста («тайна» творческого акта) определяется не языковой игрой, а экзистенциальным опытом автора/адресанта, обращенным к такому же экзистенциальному опыту «другого». Причем художественная концептуализация, реализуемая в тексте, вызывает в воспринимающем сознании необходимость формирования собственного концепта, но уже встроенного в систему дру-

того индивидуального сознания. Именно экзистенциальные основы концептуализации (см.: [9]) определяют возможность понимания и интерпретации. Важно подчеркнуть, что основой такого экзистенциального производства смыслов, текстов, концептов является способность индивида к эстезису – чувственному переживанию/проживанию экзистенциального опыта.

Помещаемый в пространство, создаваемое парадоксом индивидуальной деятельности «завершающего» сознания автора, его экзистенциальным опытом, трансформированным художественной концептуализацией, с одной стороны, и языка как поля наиндивидуальной (социальной) интеракции – с другой, смысл становится не просто преодолением языковой стихии, но требует индивидуальных усилий по его «завершению» – уже сознанием адресата. Понимание смысла оказывается не чем иным как его продуцированием, единым процессом деконцептуализации и концептуализации текста (то есть, реализацией проекта деконструкции как универсального для современной культуры). Но сам этот процесс деконцептуализации/концептуализации/понимания представляет собой экзистенциальное событие – акт экзистирования.

Таким образом, экзистенциально-персонологическая природа смысла задает культурно-антропологические параметры национального семиозиса как поля продуцирования смыслов и их означивания в текстах культуры.

Между тем современное состояние культуры дает основания констатировать кризисное состояние отечественного культурно-национального семиозиса, обусловленное кризисом антропологических факторов, в свою очередь, определяющим и усиливающим этот кризис. Ситуация, которую мы сегодня наблюдаем, – это ситуация распада семиозиса [7]. Примеры такого положения вещей могут быть приведены из самых разных сфер жизни российского общества: от засилья низкопробных комедий, юмористических программ, бесконечных римейков и боевиков на телеэкранах до а-информативности современных СМИ, в рамках которых очевиден распад коммуникативных практик. В частности, говоря о печатных СМИ, нельзя не заметить переадресации информационных (или псевдо-информационных) сообщений с адресата (читателя) на адресанта (чаще всего, власть или

коммерческие структуры), что позволяет говорить не только, вслед за Р. Бартом, о «смерти автора», но и о смерти адресата [8].

Кризисная ситуация в коммуникативной и информационной сфере, кризисное состояние художественной культуры, все больше мигрирующей в сторону маргинально-массовых форм и жанров, прекращение социокультурной трансляции и – как следствие – все большая утрата индивидуальной и коллективной идентичности, демонстрируя семиотическую деструкцию, заставляют обратить внимание на экзистенциально-персонологические аспекты продуцирования и понимания смысла. Причем общая ситуация деструктивности усиливается в результате того очевидного сегодня процесса, который А. Секацкий удачно назвал «анестезией» – отсутствием или крайним ослаблением эстетизиса, духовной «анемией» общества [6]. Деградационные процессы в сфере эстетизиса определяют скудость экзистенциального опыта, что, в свою очередь, лишает производство и понимание смысла экзистенциально-ценностной платформы – поскольку ценностное переживание, в отличие от собственно интеллектуально-познавательных процессов, всегда сопряжено с эмоционально напряженным состоянием. Целый веер эмоционально-ценностных факторов оказывается «вымытым», уничтоженным общим состоянием «оцепенелости», которое, по мысли М. Хайдеггера и Д. Агамбена, соответствует биологическому существованию животного и которое все более очевидно охватывает современное общество.

Все большая мутация современного эстетизиса к состоянию «оцепенелости», к духовной (иногда и практической) анемии толкает человека к экзистенциальной скуке – к утрате «Другого» (к страху перед открытостью «Другому»). Скука, как утверждает Б. Хюбнер, и есть следствие утраты Другого [11]. Скука порождает своего рода бег на месте – попытку заместить утраченного Другого его симулякрами, заменить другого субъекта – «другим» как объектом. Или, иначе: заменить смысл чувственным наслаждением, семиотическое – эстетическим или эстетизисным. Но и эта замена, упираясь в оцепенение потерявшего упругость «взлета» семиотизации, свойственной исторически более ранним этапам развития семиозиса, – в ситуации его деструкции становится «острой хроносенсорной недостаточностью»: «глухота, нечувствительность к метамузыке, напрямую вытекающие

из поставленного диагноза, являются источником многих недоразумений, путаницы, раскогласований», – пишет А. Секацкий [6].

С учетом сказанного ничем не заменимой оказывается роль культурологии в системе высшего образования и культуры – и в индивидуальной жизни человека. Однако при этом, на наш взгляд, должны быть радикально пересмотрены теоретические и методические принципы преподавания культурологии как в школьном, так и вузовском изложении, так же как и преподавания Мировой художественной культуры на всех уровнях образовательного процесса. Базовым принципом сейчас должно стать соответствие предлагаемого для изучения материала интеллектуальным и цивилизационным процессам современности. Если говорить, вслед за Э. Тоффлером, Д. Беллом, Ю. Хаяши, П. Дракером, о цивилизации третьей волны, о постиндустриальном мире, о глобализации, об информационном обществе, то, соответственно, в основу преподавания культуры должно быть положено то, что соответствует этим признакам. Не следует сбрасывать со счетов и предложенную С. Хантингтоном «полицивилизационную парадигму» как новую схему для понимания того, что происходит в мире сегодня [9:40]. Именно культура (культуры) и цивилизации – а не идеологии или собственно политические интересы определяют сегодня идентификационные процессы, особенно болезненно и остро касаясь российской культуры и русской идентичности.

Нельзя не задаться вопросом, однако, насколько коллективная идентичность оказывается значимой (или вообще может быть значимой) в современную эпоху – не является ли индивидуальное (с учетом «индивидуализированного», по З. Бауману, общества) доминирующим в идентификационных процессах? К тому же именно в России с ее «традицией социоцентрического общества» создание «персоноцентрической целостности» представляется особенно актуальным [11]. Причем определяющей образовательной и воспитательной стратегией высшей школы должно стать формирование именно индивидуальной, а не коллективной идентичности – но с учетом того обстоятельства, что идентичность не может быть окончательной, приводящей к самоидентификации. Индивидуальная культурная идентичность – процесс, а не результат: движение вглубь культуры, также не самоидентификационной, аутопойесической, изнутри расколота разрывами и тем, что

А. Кожев вслед за Гегелем называет «Негативностью» [2], становится движением самообоснования индивида как принципиально незавершенного Я.

Конечно, такое формирование обусловлено, в первую очередь, интеллектуальной деятельностью, условием которой становится овладение кодами и языками современной культуры, интеллектуальными практиками порождения, интерпретации и означивания смыслов. Только в результате этого становится возможной идентификация «я» как точки «фокализации» культуры (используем в данном случае термин Ж. Женетта, примененный им к анализу автора как «повествовательной инстанции» текста). Следует особенно подчеркнуть, что представления о возможности некоего универсального «цивилизационного кода» (как основы российской идентичности) оказываются не более чем утопией: и культурно-исторический, и индивидуальный семиозис возможен только при наличии нескольких, как минимум двух, дополняющих (не дублирующих) друг друга кодов [3:132].

Это значит, что цель преподавания культурологии и МХК сегодня заключается в формировании интеллектуальных моделей, позволяющих индивиду эффективно встраивать себя в цивилизационное и интеллектуальное пространство, формировать собственную идентичность, не внешним образом присваивая готовые формы и используя стандартные сценарии, а продуцируя смыслы и производя тексты. Все это становится возможным при использовании обучающих практик, которые предоставляет именно культурологическое образование – но с учетом тенденций *современного* развития культуры, то есть с учетом тенденции интеллектуализации и необходимости оперировать большим по сравнению с предшествующими этапами количеством информации.

Выходом из парадокса информационного взрыва и возможностей (ограниченных) индивидуального сознания, насыщенной интеллектуальной «ноосферы» – и скудости эмоционально-экзистенциального опыта может стать проецирование исторического материала на индивидуальное сознание «здесь и сейчас» живущего человека, встраивание его в актуальный опыт бытия в культуре и современности. Сведенная же к набору артефактов и произведений искусства, выстраиваемых в хронологический ряд и сгруппированных в набор географи-

ческих кластеров, культурология «не работает» как идентификационный и смыслопорождающий фактор именно в силу разросшегося количества информации, полицивилизационности современного мира, состояния эмоциональной и духовной апатии («анестезии»).

Специфика культурологии среди других социально-гуманитарных дисциплин заключается в принципиальной инверсионности культурологических штудий. Это движение от *ретроспективности* гуманитарного знания как его родовой черты (не только собственно истории, но и литературоведения как истории литературы, языкознания как истории языка, философии как истории философии), направляющей исследовательские усилия на некое «объективно» реконструируемое прошлое, – к *проспективности* актуальной персонологии и антропологии; движение от парадигмы знания как воспроизведения – к знанию как конструированию (о двух типах европейского знания см.: [5]).

Применительно к вузовской дидактике это означает, что главным обучающим принципом, должен стать принцип не историзма, а *историчности*, или «*перевернутого историзма*». Его суть заключается в выстраивании «обратной перспективы» видения историко-культурного материала: не в хронологическом порядке, от древних цивилизаций – к современности, а наоборот: от актуальных текстов современной культуры – в интертекстуальную глубину истории. При этом понимание текста (то есть, что то же самое, продуцирование смысла) оказывается возможным исключительно в соприкосновении с другими текстами: современный текст «оживает» при актуализации текстов прошлого, связанных не хронологически, а интертекстуально; путь понимания сегодня – это путь обратный «Письму» – «навстречу» «Письму». Иными словами, путь встраивания индивида в культуру лежит через актуализацию культурной памяти.

В качестве заключения процитируем еще раз М. М. Бахтина: «Текст живет, только соприкасаясь с другим текстом (контекстом). Только в точке этого контакта текстов вспыхивает свет, освещающий и назад, и вперед, приобщающий данный текст к диалогу». И если мы превратим диалог в один сплошной текст, то глубинный, бесконечный смысл исчезнет и «мы стукнемся о дно, поставим мертвую точку» [1:364].

1. Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1979.
2. Кожев А. введение в чтение Гегеля. Идея смерти в философии Гегеля / пер. с фр. и посл. И. Фомин. М.: Логос, 1998: сайт. URL: <http://anthropology.rinet.ru/old/library/kojev11.htm>
3. Лотман Ю. М. Семиотика культуры и понятие текста // Лотман Ю. М. Избранные статьи. Таллин: Александра, 1992. Т. 1. С. 129–132.
4. Микешина Л. А. Значение идей Бахтина для современной философии // Философия науки. М.: ИФ РАН, 1999. Вып. 5. Философия науки в поисках новых путей. С. 205–224.
5. Румянцев О. К. Культурный смысл европоцентризма // Человек в интеллектуальном и духовном пространстве: сборник научных трудов к 90-летию профессора Владислава Жановича Келле. М.: Прогресс-Традиция, 2010. С. 37–57.
6. Секацкий А. Эстетика в эпоху анестезии // Критическая масса. 2003. № 3.
7. Сулимов В. А., Фадеева И. Е. Русский семиозис: введение в проблему // Семиозис и культура: сборник научных статей. Сыктывкар: КГПИ, 2005. С. 4–17.
8. Фадеева И. Е. Смерть адресата: о коммуникативном пространстве современной культуры // Вестник Коми государственного педагогического института. 2004. Вып. 1. С. 117–122.
9. Фадеева И. Е. Ступени концептуализации // Русский язык за рубежом. 2013. № 4. С. 62–67.
10. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. М.: АСТ, 2003.
11. Хюбнер Б. Произвольный этос и принудительность эстетики. Минск: Пропилеи, 2000.
12. Яковенко И. Кризис адекватности. Раздумья культуролога // Вестник Европы. 2012. № 33.